

7. Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. М., 1981. 8. Николаев М. П. Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные на каторге и в ссылке. Тула, 1958. 9. Пинаев М. Т. Н. Г. Чернышевский. Художественное творчество. М., 1984. 10. Стахевич С. Г. Николай Гаврилович Чернышевский // Н. Г. Чернышевский. М., 1928. 11. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. 4-е изд. М., 1977. 12. Цилевич Л. М. Об аспектах исследования сюжета // Вопр. сюжетосложения: Сб. ст., Рига, 1978. Вып. 5. 13. Чернышевский Н. Г. Повести в повести. М., 1930. 14. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939—1953. 15. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975.

Статья поступила в редколлегия 02. 06. 85

И. В. Трофимов, доц.,
Дрогобычский педагогический институт

Русский народный характер в лирике Н. Некрасова

Русский народный характер в изображении Н. А. Некрасова — вопрос, достаточно освещенный в литературоведении [2; 5; 7; 11; 12]. Однако описанием народного характера, представленным в творчестве великого поэта, вопрос не исчерпывается, так как за ним стоит проблема формирования нового лирического сознания, в котором активно взаимодействуют (в рамках диалога) собственно сознание лирического героя и иносознание, представленное голосами многочисленных персонажей. Этот диалог дает представление о специфике поэтической трансформации народного характера в лирической системе Н. А. Некрасова.

Обращает на себя внимание определенная эволюция в постижении народного характера, народной судьбы в творчестве поэта. В середине 40-х годов XIX в. ведущая позиция его лирического героя, автора-повествователя — взгляд со стороны:

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, Расскажи —
Буду, братец, за все благодарен»

[9, т. 1, с. 11].

Впечатление песни, кем-то спетой, небылицы, кем-то рассказанной, составляют стихотворения «Тройка» (1846 г.), «Огородник» (1846 г.).

Начиная с 1848 г. Н. А. Некрасов все чаще отождествляет свою судьбу с судьбой народа. Ярким свидетельством этого является восьмистишие «Вчерашний день, часу в шестом...» (1848 г.), в котором истязаемую на площади «крестьянку молодую» поэт ставит вровень со своей музой. Еще одним подтверждением того, что Н. А. Некрасов мыслит свою жизнь кровно связанной с жизнью народа, является стихотворение «Несжатая полоса» (1854 г.).

Индивидуальные характеры представителей народной массы в творчестве Н. А. Некрасова 40-х годов в большинстве случаев еще не обладают достаточной свободой в самовыражении, будучи во многом связанными фольклорной традицией. В таких проявлениях характера: «...забило сердечко тревогу — Все лицо твое вспыхнуло вдруг» и др. [9, т. 1, с. 43] — много традиционно песенного.

Не приходится говорить о высокоразвитом самосознании и героя стихотворения «Огородник»: «Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц...» [9, т. 1, с. 39]. Эпическая полнота характеристики снова опосредована фольклором. Но это вовсе не говорит о недостатке мастерства Н. А. Некрасова в изображении самосознания крестьянина. Зарождающееся чувство собственного достоинства «мужика-вахлака» дано в стихотворении настолько, насколько это соответствовало действительности. В области интимных переживаний Огородник уже осознает свое право на свободу чувства, вместе с которым растет и чувство ответственности за судьбу «дворянской дочери», честь которой ему дорога в той же мере, что и воля.

Начиная со второй половины 50-х годов Н. А. Некрасов делает качественно новый шаг вперед: народное сознание, характер выступает в его творчестве уже не только в единстве судеб с творческой демократической интеллигенцией, но и как явление независимое, имманентное, способное к самовыражению и самопостижению. В творчестве поэта появляется герой из народа, наделенный развернутой характеристикой и биографией («Влас» — 1854 г.; «Извозчик» — 1855 г.). «Влас. — отмечал М. М. Гин, — человек из народа, при всем своем кулачестве сохраняющий какие-то черты народной психологии, народного мировоззрения и морали, которые, под влиянием страха смерти и нравственного кризиса, берут верх» [2, с. 57].

Используя неопределенно-личную форму односоставного предложения («Говорят, ему видение Все мерещилось в бреду...» [9, т. 1, с. 153]), Н. А. Некрасов апеллировал к народному сознанию. Следует отметить, что в подобной апелляции Ф. М. Достоевский увидел лишь элементы «шутовства», испортившего великую идею, верно намеченную, как он считал, в величавой фигуре Власа [см.: 4, т. 21, с. 33].

Не убедила такая мотивировка перерождения Власа и анонимного критика «Отечественных записок», писавшего с недоумением в 1861 г.: «Неужели же это представление Власа о грешниках — русское? Неужели оно осмысливает народные верования?» [10, с. 72].

Кризис народного сознания Н. А. Некрасов рисовал и в стихотворении «Извозчик». Хотя самоубийство Ванюхи может быть объяснено характеристикой и фактами его биографии, изложенными в первой части (неразделенная любовь к «белоручке, белолицке», мечта о казнé: «Знал копейки вес», темперамент меланхолика: «Полусонный по природе, Знай зевал в кулак» [9, т. 1, с. 149—151]), — мотивировка поступка героя предлагается полу-

фантастическая, в духе народного сознания: «Совладеть с лукавым бесом, Видно, не сумел». Здесь можно говорить о претворении принципа Л. Н. Толстого «Смотреть с точки зрения мужика» — «Лукавый бес» толкнул Ванюху к самоубийству (страшный грех в народном представлении), «провидение божье» направило Власа на путь служения людям, выраженного в религиозно-экзальтированной форме.

Однако «точка зрения мужика» в лирике Некрасова не выступала самодовлеющей, авторитарной — ей противостояло развитое, обладающее навыками социального анализа сознание автора.

В условиях активного восприятия революционной проповеди В. Г. Белинского у Н. А. Некрасова все более обострялся интерес к проблеме русского народного характера. В поле зрения поэта попадали при этом явления исключительные, какими можно признать случаи неоправданной, бессмысленной жестокости. Известно стихотворение Некрасова «— Так, служба! сам ты в той войне...» (1846 г.), в котором бывший солдат рассказывает о своем участии в войне 1812 г.:

Поймали мы одну семью,
Отца да мать с тремя щенками.
Тотчас ухлопали мусью,
Не из фузеи — кулаками!
Жена давай вопить, стонать,
Рвет волоса, — глядим да тужим!
Жаль стало: топорщем хватъ —
И протянулась рядом с мужем!
[9, т. 1, с. 57]. —

по поводу которого Вс. Крестовский отмечал: «В основе этой вещи лежит страшное понимание русской жизни, понимание ее до цинизма, до беспощадности — и вот этим-то и дорог нам Некрасов. Эта странная, но жизненная смесь зверства, удалой похвальбы этим зверством и ...человеческого чувства жалости, сострадания, сожаления вполне свойственны нашему серому человеку» [10, с. 103].

Мотив неоправданной, бессмысленной жестокости в творчестве Н. А. Некрасова 40-х годов не случаен: вышеприведенное стихотворение поэт перепечатывал во всех своих сборниках; сюжетным звеном поэмы «Коробейники» (1861 г.) стала история убийства лесником двух коробейников с последовавшим после него нелепым бахвальством; одним из ярчайших эпизодов цикла сатир «О погоде» (1859 г.) является сцена избития лошади и т. п.

Патриархально благообразного мужика в творчестве Н. А. Некрасова 40-х — первой половины 60-х годов нет. Влас «В армяке с открытым воротом, С обнаженной головой» в прошлом «...побоями В гроб жену свою вогнал» [9, т. 1, с. 152].

Дальнейшее укрепление связей Н. А. Некрасова с народом привело к значительному смягчению подобных оценок. Так, в лирической поэме «Тишина» (1856—1857 гг.) поэт в оценке событий «Севастопольской страды» уже во многом изменяет свою концепцию народного характера: на первом месте — чувство патриотизма, нравственная стойкость:

Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца, —
проявление ратного удовлетворения сдержанно:
...Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами.

В этой же поэме читаем:

Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть...
[9, т. 4, с. 51—56],

где многоочие явно намекает на возможность проявления определенного рода «социальной мимикрии», характерной для крестьянства крепостнической России [см.: 8, с. 204].

При всей любви Н. А. Некрасова к народу сознание его лирического героя никогда не сливается с иносознанием, что создает постоянное ощущение видимого драматического напряжения.

Характер же взаимодействия, сопряженности различных «голосов» в диалоге разнообразен. В стихотворениях «Огородник», «Вино» (1848 г.) лирический герой присутствует в сознании героя другой социальной среды (ролевого героя). Бывает и наоборот («Тройка» — 1846 г.; «Еду ли ночью...» — 1847 г.).

Стремление к абсолютной объективации сознания героя у Некрасова редко («— Так, служба!...»). Однако и это стихотворение, включенное в контекст лирической системы поэта, сохраняет в подтексте напряжение диалога.

Позиция стороннего наблюдателя (в цикле «На улице», в «Отрывках из путевых записок графа Гаранского») приводит к изменению характера повествователя, не способного к активному взаимодействию с иносознанием.

На пути к открытому диалогу лирического героя с иносознанием Н. А. Некрасов прошел через различные формы так называемого скрытого диалога. В стихотворении «Размышления у парадного подъезда» наблюдается быстрая смена различных диалогических форм: повествователь — и «одержимый холопским недугом Целый город», и «деревенские русские люди», и «владелец роскошных палат» [см.: 9, т. 2, с. 47—49], — однако непосредственный контакт двух сознаний в данном случае отсутствует. То же следует отметить и в стихотворениях «В деревне», «Несжатая полоса».

Идеологически насыщенным диалог становится лишь при взаимном интересе обеих сторон, что наблюдается в стихотворении «Деревенские новости» (1860 г.).

Многообразие форм сопряжения сознаний в рамках одного образа говорит о качественных изменениях и сознания лирического героя, и иносознания.

Н. А. Некрасов уже в 50-е годы понимал, что «черты, которые мы воспринимаем как специфические особенности национального характера, — это продукт определенных исторических и культурных влияний» [6, с. 154]. Поэтому наряду с углублением в стихию народного сознания, запечатлевшегося в фольклоре, поэт особое внимание уделял динамичным, трудно уловимым процессам фор-

мирования общественных настроений. А насколько важно понимание механизма динамики этих настроений, свидетельствует характеристика пореформенного крестьянства России, данная в статье В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» [см.: 1, т. 17, с. 206—213],

Н. А. Некрасов понимал классовую природу общественных настроений. Уныние лирического героя в стихотворении «В дороге» другого рода, нежели «горькая думушка» старухи, потерявшей сына-кормильца («В деревне» — 1854 г.). Но наметившаяся родственность переживаний глубоко примечательна.

В стихотворениях «В деревне», «Забытая деревня» (1855 г.), «Знахарка» (1860 г.), «Деревенские новости» (1860 г.) и др. поэт заинтересован не только в определении качественной структуры общественных настроений в деревне (они, в сущности, однотипны: тупое, смиренное восприятие горя, маята, вызванная отсутствием надежды на помощь, пассивное ожидание перемен и пр.), но и в выявлении того, что их породило и зафиксировало. При наблюдаемой явной социальной дисгармонии констатируется крайне низкий уровень самосознания крестьян, ориентация их настроения на безусловное подчинение «божьему провидению» и помещицкому произволу [см.: 9, т. 1, с. 180].

Заряд напряжения в стихотворении «Забытая деревня» дает несоответствие настроений лирического героя, выражающего позицию революционного демократа, и крестьян. Революционное сознание лирического героя проявляется в ироническом подтексте:

Наконец однажды среди дороги
Шестернею дугом показались дроги:
На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер [9, т. 1, с. 131].

Но внутренний комизм данной социальной ситуации еще недоступен крестьянам.

Напряжение диалога двух сознаний и обусловленных ими комплексов настроений достигает особой выразительности и агитационной ясности в стихотворении «Песня Еремушки» (1859 г.). Настроения рабской, придавленности, покорности, упования на благосклонность господствующих классов подвергаются резкому осуждению со стороны автора-повествователя.

Именно протест против рабской психологии, пропаганда революционного оптимизма, настроений, связанных с убежденностью в святой правоте дела, «когда под ним струится кровь» [9, т. 2, с. 9], вера в неизбежную победу новых принципов бытия человека сделали это стихотворение одним из самых популярных в среде революционной молодежи, носителей нового идеала, новых общественных настроений.

Сдвиг в сфере общественных настроений крестьянской массы на рубеже отмены крепостного права зафиксирован Н. А. Некрасовым в стихотворении «Деревенские новости». Крестьяне здесь заняты теми же думами, что и герои стихотворения «В деревне»: смерть близкого человека, фатальная зависимость от капризов

природы, неустроенность быта, семейных отношений, конфликт с помещиком, но тон — другой. Он обусловлен настроением деловой озабоченности, ожиданием скорых перемен, чувством собственного достоинства. Последние строки стихотворения:

Сходится в хате моей
Больше да больше народу:
— Ну, говори поскорей,
Что ты слыхал про свободу? [9, т. 2, с. 98] —

свидетельствуют о растущем политическом самосознании крестьянской массы.

Анализ общественных настроений убеждал Н. А. Некрасова в том, что русский народный характер с его сильными и слабыми сторонами — явление историческое. На смену рабской покорности неизбежно придет вера в себя, в свои силы. Залогом этого является веками воспитанная в народе готовность к трудовому подвигу, прославленная поэтом в стихотворении «Железная дорога» (1864 г.):

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать [9, т. 2, с. 170].

1. Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Полн. собр. соч. 2. Гин М. М. От факта к образу и сюжету. М., 1971. 3. Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. 4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. М.; Л., 1980. 5. Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1947. 6. Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. 7. Корман Б. О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. 8. Литвак Б. Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. 9. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1981. 10. Сборник критических статей о Н. А. Некрасове. 1840—1864. Собрал В. Зелинский. 2-е изд. М., 1898. 11. Чалый Д. В. Некрасов и украинская дооктябрьская поэзия. К. 1971. 12. Чуковский К. Мастерство Некрасова // Собр. соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 4.

Статья поступила в редколлегию 02. 03. 84

С. П. Фатеев, преп.,
Киевский педагогический институт

Природа и человек в прозе С. Аксакова и И. Тургенева

В последние годы, затрагивая вопрос о природе и человеке в русской классической литературе XIX в., специалисты вполне обоснованно ставят рядом имена С. Аксакова и И. Тургенева*. Однако до сих пор нет специальных работ**, в которых иссле-

* Зальгин С. Литература и природа // Правда. 1980. 10 марта. С. 3; Трефилова Г. Время выбора (Художественное осмысление взаимоотношений человека и природы в советской литературе) // Вопр. лит. 1981. № 12. С. 36; Гринфельд Т. Я. И. С. Соколов-Микитов и М. М. Пришвин // Творчество И. С. Соколова-Микитова. Л., 1983. С. 106—108.

** Войтоловская Э. Л. И. С. Тургенев о С. Т. Аксакове // Уч. Зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1958.